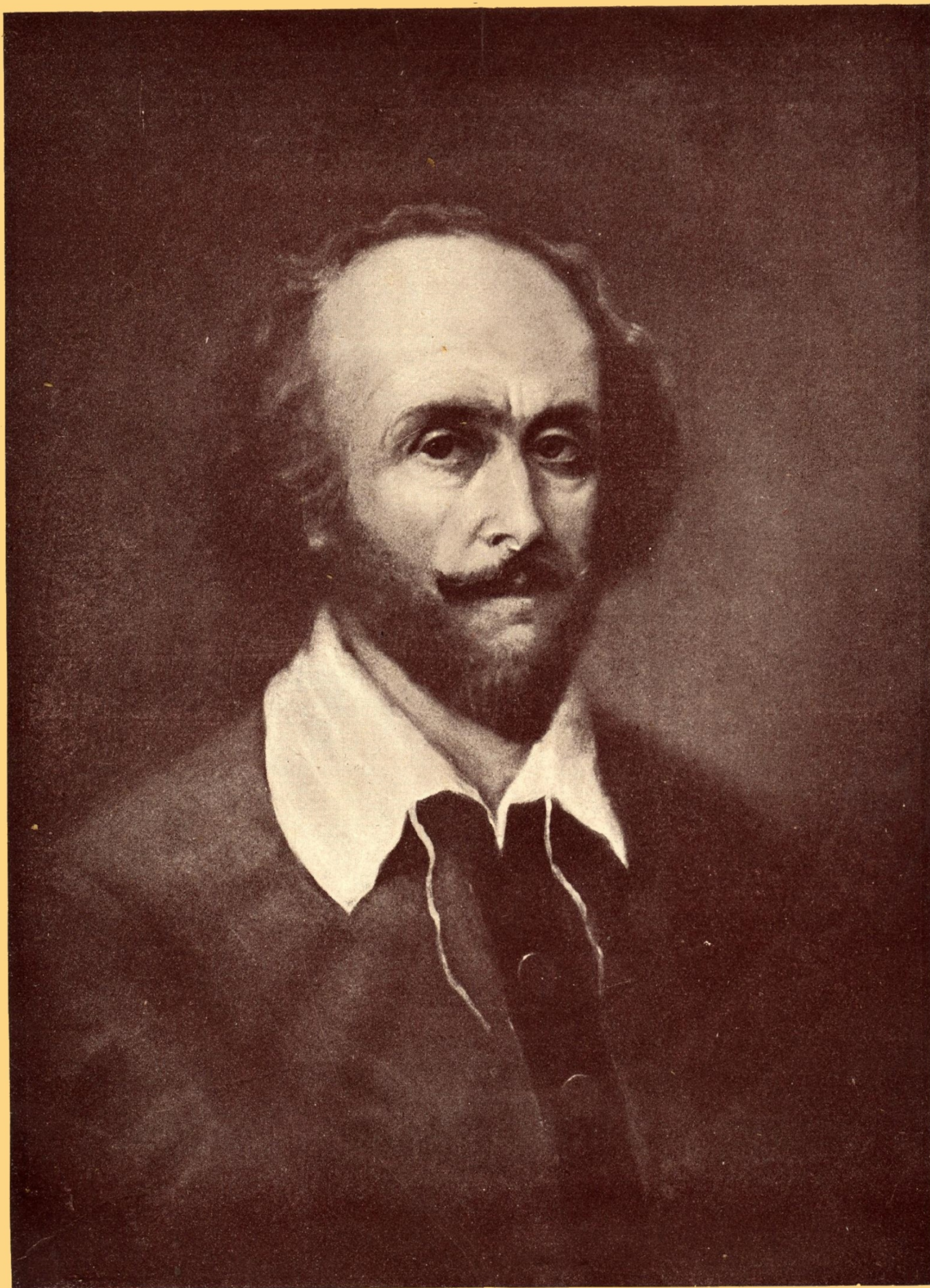

Сонеты

Шекспира

ВИЛЬЯМЪ ШЕКСПИРЪ.

Сонеты
Шекспира.

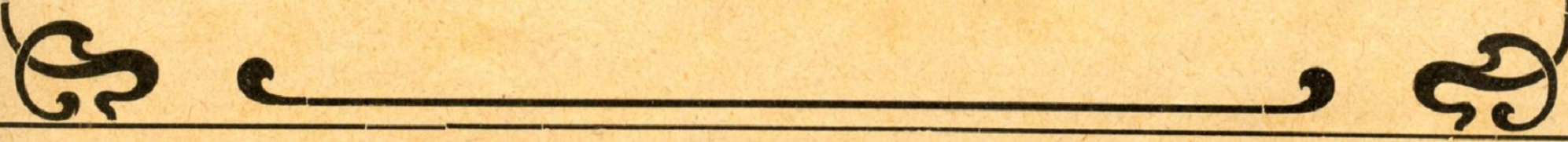
P.

Кировградська обласна
бібліотека імені
Д. І. Чижевського
ІНВ. № 998135

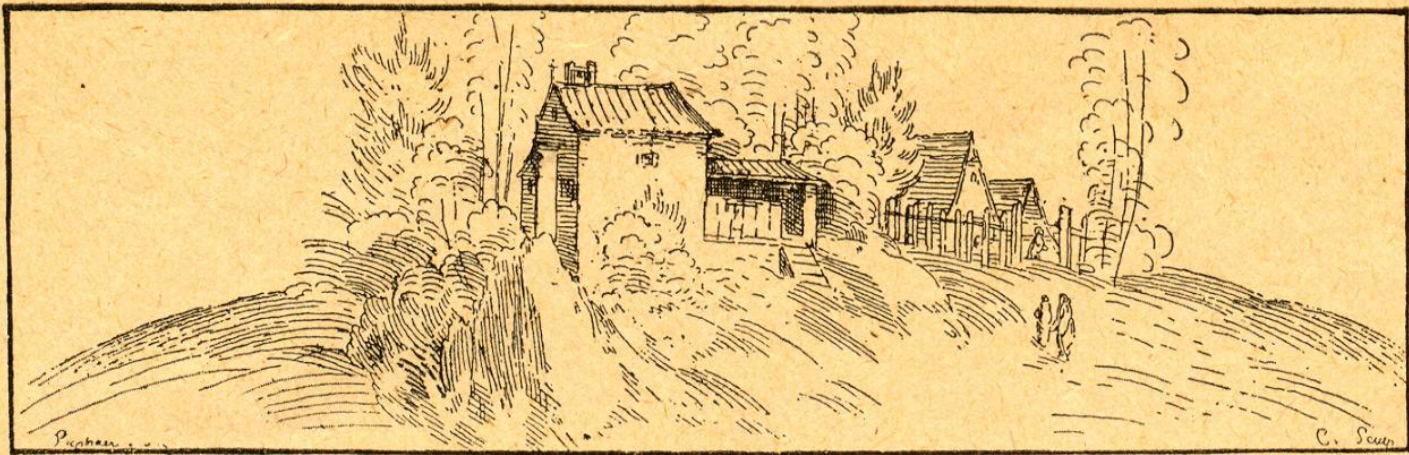
2

1912 г. 6

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ
„ПРОБУЖДЕНИЕ“.

Содержаніе.

СОНЕТЫ:

ПЕРЕВОДЫ:

Тѣ самыя часы, чѣей силой властной	<i>П. Холодковского</i>	4
Спѣши сберечь для насъ цвѣтникъ благоуханный	<i>В. Лихачева</i>	5
Я съ лѣтнимъ днемъ сравнить тебя готовъ	<i>С. Ильина</i>	6
Я въ мирномъ снѣ ищу успокоенья	<i>С. Ильина</i>	7
Когда наединѣ я мыслю пробѣгаю	<i>Гр. Ив. Мамуны</i>	8
Когда въ блаженный часъ отъ жизни отойду	<i>К. Случевского</i>	9
У музы ли моей не хватитъ для стиховъ	<i>Лейтенанта С.</i>	10
Закрывъ глаза мои, мѣръ лучшій вижу я	<i>Н. Брянскаго</i>	11
О, красота еще прекраснѣе бываетъ	<i>Н. Гербеля</i>	12
Ни гордому столпу, ни царственной гробницѣ	<i>Н. Гербеля</i>	13
Твоей-ли волею тяжелыя рѣсницы	<i>Ф. Червинскаго</i>	14
Малютка—богъ любви, однажды факель	<i>Н. Брянскаго</i>	15
Владѣтель мной порокъ самовлюбленья	<i>Н. Брянскаго</i>	16
Зову я смерть—покой моихъ скорбей	<i>А. Кремлева</i>	17
Во мнѣ ты видишь, другъ, то время года	<i>С. Ильина</i>	18
Когда я звалъ тебя одинъ, тогда звучали	<i>И. Гриневской</i>	19
Какой, студеной, хмурою зимою	<i>С. Ильина</i>	20
Весна цвѣла,—былъ отъ тебя вдали я	<i>Н. Холодковского</i>	21
О, муза, не лѣнись! И такъ виновна ты	<i>Кн. Э. Ухтомскаго</i>	22
Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя покинулъ	<i>В. Мазуркевича</i>	23
Ничто не можетъ помѣшать слѣянію	<i>С. Ильина</i>	24
Ни собственнѣй мой страхъ, ни духъ, что мѣръ тревожитъ	<i>К. Фосфанова</i>	25
Меня влечетъ къ тебѣ размолвка прежнихъ дней	<i>В. Мазуркевича</i>	26
Твой даръ, врученнѣй мнѣ, твое изображеніе	<i>Н. Гербеля</i>	27
Глаза ея сравнить съ небесною звѣздой	<i>Гр. Ив. Мамуны</i>	28
Люблю твои глаза и грустный ихъ привѣтъ	<i>Л. Вилькиной</i>	29
О, не тревожь меня напрасными мольбами	<i>Гр. Ив. Мамуны</i>	30
Моя любовь, какъ лихорадка, лѣнетъ	<i>А. Кремлева</i>	31

1.

Тѣ самыя часы, чѣй силой властной
Краса весны такъ дивно расцвѣла,—
Какъ злой гиранѣ, разрушатъ видъ прекрасный
И уничтожатъ всѣ свои дѣла.

Не хочетъ время ждаты! Отрага лѣта,
Глядишь, смѣнилась скучною зимой,
Замерзла жизнь, нѣтъ ни листа, ни цвѣта,
И спитъ краса подъ снѣжной пеленой.

Да, если-бъ сокъ цвѣтовъ мы въ плѣнѣ не брали,
Чтобъ сохранить слѣды весны въ стеклѣ,—
Съ красой бы всѣ дѣла ея пропали,
Была-бъ она забыта на землѣ;

Сокъ извлеченъ,—и есть предѣлъ утратѣ:
Хотъ нѣтъ цвѣтовъ,—есть жизнь въ ихъ ароматѣ!

ШЕКСПИРЪ.

2.

Спѣши сберечь для насъ цвѣтникъ благоуханный,
Пока суровая зима не подошла;
Наполни сладостью сосудъ, тобой избранный,
Пока въ себѣ самой краса не умерла.

Вѣдь ты ростовщикомъ того не называешь,
Кому должникъ свой долгъ отъ сердца отдаетъ:
Другого лишь себя ты міру оставляешь,
А за добавочныхъ—добавочный почетъ.

И счастье личное ты въ десять разъ умножишь,
Коль, вмѣсто одного, создашь десятерыхъ:
Отъ смерти понести какой ущербъ ты можешь,
Продолживъ бытіе въ наслѣдникахъ своихъ?

Такъ не упрямяся же, съ твоею ли красою
Червямъ лишь кормомъ стать подь сѣнью гробовою!

СОНЕТЫ.

3.

Я съ лѣтнимъ днемъ сравнить тебя готовъ,
Но онъ не столь безоблаченъ и кротокъ;
Холодный вѣтеръ не щадитъ цвѣтовъ,
И жизни лѣтней слишкомъ срокъ коротокъ:

То солнце насъ палящимъ зноемъ жжетъ,
То ликъ его скрывается за тучей...
Прекрасное, какъ чудный сонъ, пройдетъ,
Коль повелитъ природа или случай,

Но никогда не можетъ умереть
Твоей красы плѣнительное лѣто,
Не можетъ смерть твои черты стереть
Изъ памяти забывчиваго свѣта.

Покуда кровь кипитъ въ людскихъ сердцахъ,
Ты не умрешь въ моихъ живыхъ стихахъ.

ШЕКСПИРЪ.

4.

Я въ мирномъ снѣ ищу успокоенья
Отъ будничныхъ заботъ и суеты,
Напрасно все. Не спитъ воображенье,
Спокойно тѣло,—бодрствуютъ мечты.

Онѣ къ тебѣ стремятся, другъ далекий,
Широкою и властною волной.
Застлалъ мнѣ взоръ полночи мракъ глубокий,
Какъ взоръ слѣплого, черной пеленой.

Но я не слѣпъ. Передо мной витаетъ
Твой милый образъ. Освѣщая ночь,
Онѣ, какъ звѣзда, во тьмѣ ея блистаетъ,
Съ ея лица морщины гонитъ прочь.

И такъ, днемъ члены отдыха не знаютъ,
А ночью мысли къ другу улетаютъ.

СОНЕТЫ.

5.

Когда наединѣ я мыслью пробѣгаю
Тяжелый, длинный рядъ пережитыхъ потерь,
О сколькихъ близкихъ мнѣ я тяжело вздыхаю,
О сколькихъ радостяхъ, несбыточныхъ теперь!

И плачу я о тѣхъ, кто въ холодѣ могилы
Нашелъ себѣ покой отъ жизненныхъ скорбей,
И снова предо мной исполненные силы
Встаютъ знакомые мнѣ образы людей;

И снова предо мной мои воспоминанья,
И безконечный рядъ пережитыхъ невзгодъ,
И слезы прошлыхъ и прошлыхъ страданья,
Я съ вами вновь свожу нашъ позабытый счетъ.

И если въ этотъ мигъ тебя я вспоминаю,—
Забыто прошлое, я слезы отираю.

□

ШЕКСПИРЪ.

Когда въ блаженный часъ отъ жизни отойду,
И ты переживешь меня и невзначай
Прочтешь мои стихи, что въ рифму я кладу,
Ты неумѣлости стиха не замѣчай!

Съ годами уровень людскихъ умовъ растетъ:
Писанья лучшія въ законный срокъ придутъ!
Но ты люби мой страхъ; въ годъ въ немъ любовь живетъ,
Любовью, мнится мнѣ, меня не превзойдутъ!

И въ благосклонности къ нему скажи скорѣй,
Что если бѣ я, твой другъ, я былъ еще въ живыхъ
И дожилъ до иныхъ, на много лучшихъ дней—
То сталъ бы я писать не хуже всѣхъ другихъ.

Когда бѣ не умеръ я, твой другъ, я лучше бѣ сталъ:
Они стихомъ берутъ, а я любовью взялъ!

7.

У музы ли моей не хватитъ для стиховъ
Предмета, если ты даруешь имъ дѣханье,
Настолько чудное, что для простыхъ листовъ
Бумаги тягостно такое содержанье?

О, благодарна будь себѣ, себѣ одной,
Когда въ моихъ стихахъ ты что-нибудь отмѣтишь,
И кто настолько нѣмъ, чтобы не пѣть со мной,
Когда сама, какъ мысль высокая, ты свѣтишь?

Десятой музой будь, будь выше въ десять разъ
Тѣхъ старыхъ девяти знакомыхъ всѣмъ поэтамъ,
И пѣсни чудныя внуши имъ въ добрый часъ,
Чтобы не старились тѣ пѣсни въ мѣрѣ этомъ.

Пусть съ музой слабою стяжалъ успѣхъ и я,
Здѣсь трудъ созданья мой, а слава вся твоя

ШЕКСПИРЪ.

A decorative border in a reddish-brown ink, featuring a repeating pattern of stylized flowers and leaves. The border runs along the top, bottom, and sides of the page, framing the central text.

8.

Закривъ глаза мои, мiръ лучшiй вижу я:
Я цвѣлый день людей лишь чуждыхъ мнѣ встрѣчаю,
Во снѣ же, дивномъ снѣ, гляжу я на тебя,
И взоръ мой пламенный въ мракъ ночи устремляю.

О, ты, чьей тѣнью тѣма ночей озарена,
Чья тѣнь невидящимъ очамъ блеститъ привѣтомъ,
Какой счастливый блескъ пригала бы она
Сiянью дня своимъ могучимъ свѣтомъ!

О, какъ бы восхитилъ меня твой яркiй свѣтъ,
Когда бы на тебя взглянулъ я въ день веселiй,
Коль и во тѣмъ ночей твой легкiй силуэтъ
Рисуется слѣпымъ очамъ сквозь сонъ тяжелый!

Мрачнѣе ночи день, пока ты не со мной,
И ночь свѣтлѣе дня, коль снится образъ твой.

О, красота еще прекраснѣе бываетъ,
 Когда огонь рѣчей въ ней искренность являетъ!
 Прекрасенъ розы видъ, но болѣе влечетъ
 Къ цвѣтку насъ ароматъ, который въ немъ живетъ.

Пышна царица горъ, лѣсовъ, садовъ и пашенъ.
 Но и шиповникъ съ ней помѣрится на видъ:
 Имѣетъ онъ шипы и листьями шумитъ
 Не хуже, чѣмъ она, и въ тотъ же цвѣтъ окрашенъ.

Но такъ какъ сходство ихъ въ наружности одной,
 То онъ живетъ одинъ, любясь самъ собой,
 И вянетъ въ тишинѣ, изъ розы-жъ добываютъ
 Нѣжнѣйшіе духи, что такъ благоухаютъ.

Такъ будешь жить и ты, мой другъ, въ моихъ стихахъ,
 Когда твоя краса и юность будутъ—прахъ.

ШЕКСПИРЪ.

Ни гордому столпу, ни царственной гробницѣ
 Не пережить моихъ прославленныхъ стиховъ,
 И имя въ нихъ твое надежнѣй сохранится,
 Чѣмъ на грянной плитѣ, игралицѣ вѣковъ.

- Когда война столпы и арки вокругъ низложитъ,
 И памятники въ прахъ разсыплются въ борбѣ,
 Ни Марса мечъ ни пылъ войны не уничтожатъ
 Свидѣтельства, мой другъ, живого о тебѣ.

И, вопреки враждѣ и демону сомнѣній,
 Ты выступишь впередъ—и похвала всегда
 Сумѣетъ мѣсто дать тебѣ средѣ поколѣній,
 Какія будутъ жить до страшнаго суда.

Итакъ, покаместъ самъ на судъ ты ни предстанешь,
 Въ стихахъ ты и въ глазахъ вѣкъ жить не перестанешь.

Твоей-ли волею тяжелѣя рѣсницы
 Я не могу сомкнуть во мглахъ нѣмыхъ ночей?
 Ты-ль прерываешь сонъ, пославъ мнѣ вереницы
 Похожихъ на тебя плѣнительныхъ тѣней?

И твой-ли духъ ко мнѣ летитъ въ ночи безмолвной,
 Сгорая ревностью, не знающею сна,
 Чтобъ бредъ послушать мой, и змѣны скрытой полнѣй?
 О, нѣтъ, твоя любовь на это не властна.

Моя, моя любовь лишила сновидѣній
 Усталые глаза, умчала мой покой;
 Могучая, она, какъ богатный геній,
 Какъ зоркій сторожъ твой—вездѣ, всегда со мной.

Твой миръ она хранитъ. А ты—по волѣ рока—
 Такъ близко ты къ другимъ, такъ отъ меня далеко!

ШЕКСПИРЪ.

Малютка—богъ любви, однажды факелъ свой
 На травку положивъ, забылся сномъ безопасно;
 Тѣмъ временемъ къ нему подкрался рѣзвѣй рой
 Нимфъ, давшихъ клятву дѣвственности вѣчной.

И мигомъ факелъ тотъ, въ сердцахъ будившій пылъ,
 Похитили онѣ во имя обѣщаній;
 Такъ нашъ уснувшій богъ восторженныхъ желаній
 Рукою дѣвственницъ обезоруженъ былъ.

Тотъ факелъ бросили онѣ въ родникъ холодный,
 И отъ огня любви онѣ тотчасъ теплымъ сталъ—
 Люскихъ страданій всѣхъ цѣлитель превосходный...
 Но я въ немъ, страсти рабъ, купался... и узналъ,

Что, правда, пылъ любви и воду согрѣваетъ,
 Вода же въ свой чередъ любви не охлаждаетъ.

Владѣтъ мной порокъ самовлюбленья,
 Мой духъ и плоть равно повинны въ немъ;
 И нѣтъ тому пороку исцѣленья,
 Такъ въ сердцѣ вкоренился онъ моемъ.

Мнѣ кажется, что нѣтъ лица чудеснѣй—
 И что никто такъ дивно не сложенъ,
 Что въ мѣрѣ всѣхъ я лучше и прелестнѣй—
 Вотъ до чего я самъ въ себя влюбленъ.

Когда же въ зеркалѣ увижу я случайно
 Себя изношеннымъ подъ бременемъ годовъ,
 пойму тогда, въ чемъ это страсти тайна,
 что не ко мнѣ относится любовь,

что не себя во мнѣ, тебя я восхваляю,
 Красой твоей весны мой возрастъ украшаю.

Зову я смерть—покой моихъ скорбей;—
 Я вижу, что бѣднякъ всѣмъ чуждѣ, назначенъ
 Не къ радости, а къ горю средѣ людей,
 Долгъ вѣрности чистѣйшей въ нихъ утраченъ;

Честь ложно и постыдно воздана;
 Достоинство унижено обидно,
 И чистота души развращена;
 Хромая власть сковала духъ постыдно,

Заставила искусство замолчать,
 Невѣжда (какъ ученый) правитъ знаньемъ,
 И глупствую всѣ скромность стали звать,
 Добро въ плѣну у зла: такимъ сознаньемъ,

Измученный, оставилъ землю-бѣ я,
 Когда-бѣ не здрѣсь была любовь моя!

Во мнѣ ты видишь, другъ, то время гога,
Когда рветъ вѣтеръ желтый листъ вѣтвей,
Когда уныло стонетъ непогода,
Гдѣ прежде пѣлъ такъ сладко соловей.

Во мнѣ, мой другъ, ты видишь свѣтъ прощальный
На западѣ погаснувшего дня.
Тотъ свѣтъ—предвѣстникъ полночи печальной,
Угрюмой смерти близкая родня.

Во мнѣ огня ты видишь угасанье...
Онъ умереть не хочетъ подъ золой,
Но вѣрваться смѣшны его старанья:
Его задушитъ пепла мертвый слой.

Во мнѣ ты это видишь и разлуку...
Предчувствуешь, и крѣпче жмешь мнѣ руку...

Когда я звалъ тебя одинъ, тогда звучали
 Одни мои стихи чудесно, дорогой!
 Но муза въ недугъ моя, полна печали,
 Теперь принуждена здѣсь мѣсто дать другой.

Для пѣсенъ въ честь тебя, о, другъ мой, я согласенъ,
 Должно бы взять перо побѣдное въ борьбѣ;
 Ты полонъ нѣжныхъ чаръ, плѣнителенъ, прекрасенъ.
 Поэтъ твой лишь крадетъ все, что даетъ тебѣ.

О, въ добродѣтель, другъ, тебя онъ наряжаетъ.
 Но слово то онъ взялъ изъ добрыхъ твоихъ дѣлъ
 И красоту со щекъ твоихъ же похищаетъ,
 Всѣмъ обладаешь ты, что онъ въ стихахъ воспѣлъ.

О, другъ мой, не нужна ему твоя уплата:
 Все, что тебѣ онъ далъ—все отъ тебя же взято.

Какой студеной, хмурою зимою,
Какой завѣсой непроглядной тѣмнѣ
Я окруженъ былъ въ дни, когда съ тобою
Разлучены, другъ нѣжный, были мы.

Пора межъ тѣмъ стояла золотая:
Смѣняя лѣто, осень плодъ несла,
Обильный плодъ, что отъ красавца мая
Она весной веселой зачала.

Но сиротливой жалкой нищетою
Казалась мнѣ вся эта благодать.
Всю жизнь, всю радость ты унесъ съ собою.
И даже птицы громко щебетать

Не смѣли въ рощахъ, иль печальнымъ пѣнѣмъ
Листву пугали стужи приближенѣмъ.

Весна цвѣла,—былъ отъ тебя вдали я;
 Апрѣль нарядный красками сверкалъ,
 Во все вливалася юности стихія,
 И самъ Сатурнъ смѣялся и плясалъ.

Но пѣсни птицъ, цвѣтовъ благоуханье,
 Краса луговъ,—все было чуждо мнѣ;
 Я сладкаго не ощущалъ желанья
 Сорвать цвѣтокъ, воспѣть хвалу веснѣ;

Я презиралъ красу лилеи блѣдной,
 Румяныхъ розъ я не ласкалъ, любя!
 Вся прелесть ихъ,—я зналъ,—лишь списокъ бѣдный
 Съ ихъ образца единаго—тебя!

Казалось мнѣ, что вокругъ—зима! Мечтами
 Съ тобою весь, я лишь шутилъ съ цвѣтами.

О, муза, не лѣнись! И такъ виновна ты,
Чуждаясь истины, красою облеченной...
Любовь одна живить твои мечты
И вѣщія слова у пѣсни окрыленной,

Напрасно скажешь ты: началамъ неземнымъ
На что созвучій строй, плѣнительныя сказки?
На что рѣзецъ и кисть красотамъ вѣковымъ?
Суровой истинѣ не нужны блескъ и краски

И другу моему ничто—твоя хвала,
Но обезсмерть его пѣвучимъ величаньемъ,
Чтобъ въ будущихъ вѣкахъ воспѣтаго чела
Не смѣлъ коснуться рокъ жестокимъ увяданьемъ.

...Но какъ намъ сохранить безцѣнныя черты
Въ зарницахъ истины и звучной красоты?

Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя покинулъ, не гляжу
 Я болѣе на мѣрѣ тѣлесными очами;
 Мой взоръ въ душѣ моей; онъ, правившій шагами,
 Теперь почти потухъ, и я во тѣмѣ брожу.

Не можетъ вызвать глазъ въ умъ изображенья
 Того, что видитъ онъ; ни птица ни цвѣтокъ
 Не оставляетъ въ немъ хотя-бъ на краткій срокъ,
 Какъ мимолетный сонъ, живого впечатлѣнья.

Что-бъ ни увидѣлъ я: вершины снѣжныхъ горъ,
 Ворону, голубя, красу или уродство,
 День, ночь и даже то, въ чемъ нѣтъ ни капли сходства
 Съ тобой, къ твоимъ чертамъ мой пріурочитъ взоръ.

Сочувствіемъ къ тебѣ полна нелицемѣрнымъ,
 Такъ вѣрность дѣлаетъ мой зоркій глазъ невѣрнымъ.

Ничто не можетъ помѣшать сліянію
Двухъ сродныхъ душъ. Любовь не есть любовь,
Коль поддается чуждому вліянію,
Коль отъ разлуки остываетъ кровь.

Всей жизни цѣль, любовь повсюду съ нами,
Ея не сломятъ бури никогда,
Она во тѣмѣ, надъ углыми судами
Горитъ, какъ путеводная звѣзда.

Объгуть года, а съ ними исчезаетъ
И свѣжесть силъ и красота лица;
Одна любовь крушенья избѣгаетъ,
Не измѣняя людамъ до конца.

Коль мой примѣръ того не подтверждаетъ,
То на землѣ никто любви не знаетъ.

Ни собственный мой страхъ, ни духъ, что мѣръ
тревожитъ,

Мѣръ, замечтавшійся о будущности дѣлъ,
Любви моей года опредѣлитъ не можетъ,
Хотя бы даже ей готовился предѣлъ.

Смертельный мѣсяцъ мой прошелъ свое затменье,
И прорицатели смѣются надъ собой,
Сомнѣнія теперь смѣнило увѣренье,
Оливковая вѣтвь приноситъ миръ благой.

Благодаря росѣ, испавшей въ это время,
Свѣжѣй моя любовь, и смерть мнѣ не страшна,
Я буду жить на зло въ стихѣ, тогда какъ племя
Глушцовъ безпомощныхъ похититъ смерть должна.

И вѣчный мавзолей въ стихахъ, тобой внушенныхъ,
Переживетъ металлъ тирановъ погребенныхъ.

A decorative border of stylized flowers and leaves surrounds the text. The flowers are arranged in a repeating pattern along the top, bottom, and sides of the page.

23.

Меня влечетъ къ тебѣ размолвка прежнихъ дней;
Страданья прошлыя и прошлыя печали
Мою вину даютъ мнѣ чувствовать сильнѣй,
Вѣдь сердце у меня не изъ каленой стали.

И если отъ моей страдаешь ты вины,
Какъ отъ твоей сносилъ когда-то я мученья,
Позналъ ты, другъ мой, агъ; страданія сильны,
Но я, тиранъ, забылъ объ этомъ, безъ сомнѣнья.

Напомни мнѣ о нихъ, моихъ терзаній ночь,
Тебѣ-бъ отвѣдать далъ балъзама я бокалъ
Смиренія, чтобъ грусть ты могъ бы превозмочь,
Какъ нѣкогда ты самъ мнѣ сердце врачевалъ.

Но пусть искупитъ все взаимная вина!
Нашъ обоюдный грѣхъ смягчитъ она должна.

ШЕКСПИРЪ.

Твой даръ, врученный мнѣ, твое изображеніе
 Произвело во мнѣ такое впечатлѣніе,
 Что—свѣтлый—навсегда останется онъ тамъ
 На удивленіе всѣмъ и будущимъ вѣкамъ.

Пока природой умъ и сердце позволенія
 Не будутъ лишены хотя существовать,
 Они не отгадутъ тебя волнамъ забвенія
 И восхвалятъ тебя все будутъ продолжать.

Но могъ ли бѣ долго такъ портретъ существовать!
 Тому не нуженъ онъ, кто сердце оцѣняетъ.
 Вотъ почему его рѣшаюсь я отгнать,
 Ввѣряя тому, что въ сердцѣ обитаетъ.

Помощникъ же въ дѣлахъ, гдѣ надобно любить,
 Лишь можетъ дать намекъ, что я могу забыть.

Глаза ея сравнитъ съ небесною звѣздою
 И пурпуръ нѣжныхъ устъ съ коралломъ—не дерзну,
 Со снѣгомъ грудь ея не споритъ бѣлизною,
 И съ золотомъ сравнитъ нелзя кудрей волну;

Предъ розой пышною роскошнаго востока
 Облѣтитъ цвѣтъ ея плѣнительныхъ ланитъ,
 И омиама смолъ Аравіи далекой
 Амброзія ея дѣханья не затмитъ.

Я лепету ея восторженно внимаю,
 Хотъ пѣсни соловья мнѣ кажутся милѣй,
 И съ поступью богинь никакъ я не смѣшаю
 Тяжелой поступи красавицы моей.

Все жъ мнѣ она милѣй всѣхъ тѣхъ, кого толпою
 Листецы съ богинями равняютъ красотою.

ШЕКСПИРЪ.

Люблю твои глаза и грустный ихъ привѣтъ.
Узнавъ, что ты меня казнишь пренебреженемъ,
Они въ знакъ траура одѣлись въ черный цвѣтъ
И на печаль мою взираютъ съ сожалѣнемъ.

Востока блѣднаго не краситъ такъ заря,
Такъ неба мирнаго не краситъ Вesperъ ясный
Одинъ въ вечерній часъ надъ западомъ горя,
Какъ эти грустные глаза твой ликъ прекрасный.

Такъ пусть въ твоей груди, беря примѣръ съ очей,
И сердце гордое исполнится печалью.
Печаль тебѣ къ лицу. Все въ красотѣ твоей
Прелестнѣй быть должно подъ траурной вуалью.

Я черной звать готовъ богиню красоты.
Уродливими всѣхъ, кто созданъ не какъ ты.

О, не тревожь меня напрасными мольбами!
 Прошедшихъ слезъ моихъ тебѣ не искупить!
 Доканчивай скорѣй, не взглядами—словами!
 И силою сражай: къ чему тебѣ хитрить?

Скажи, что ужъ давно не милъ тебѣ я болѣ,
 Но на другихъ при мнѣ такъ нѣжно не гляди.
 Нѣтъ, не лукавь со мной! Твоей я отдалъ волѣ
 Свою судьбу; я слабъ: скорѣе, не щади.

Я все тебѣ прощу и даже точно зная,
 Какъ трепетно твой взглядъ ловилъ я каждый мигъ,
 Ты, отъ него заботливо спасая,
 Все имъ, жестокая, лелѣяла другихъ.

Но только не томи тяжелымъ ожиданьемъ,
 И разомъ ты убей меня жъ моимъ страданьемъ.

ШЕКСПИРЪ.

Моя любовь, какъ лихорадка, льнетъ
 Къ тому, чѣмъ страстно кормятся страданья;
 Питается тѣмъ, отъ чего растетъ
 Измѣнчиво-болѣной порывъ желанья;

Мой разумъ, врачъ любви моей, взбѣшенъ
 Тѣмъ, что его рецептамъ не внимаютъ—
 Оставленъ имъ, я доказалъ законъ,
 Что страсть, какъ смерть, лекарства исключаетъ.

Я внѣ надеждъ, мой разумъ позабытъ,
 Покой меня навѣки оставляетъ,
 И мысль и рѣчь безуміемъ горитъ,
 Безумно ложь, какъ правду, утверждаетъ:

Клянусь, что ты прекрасна и свѣтла;
 А ты, какъ адъ, черна;—какъ ночь, смугла!

